

своих владений. Однако Временное высшее церковное управление сочло подобную жертву несвоевременной, а отторжение церковного имущества допускало лишь по согласованию в каждом конкретном случае с духовным ведомством. В ноябре 1920 г. вместе с Врангелем Крым покинуло немало представителей духовенства, прекрасно понимавших, что может их ожидать в Советской России. Другие, включая архиепископа Димитрия, решили остаться на родной земле и разделить с верующими предстоящие гонения.

Завершает книгу небольшая глава «Вместо послесловия», рассказывающая о последующей судьбе 11 героев исследования. Восемь из них под-

вергались репрессиям. В частности, преосвященный Димитрий (Абашидзе) в 1920—1930-х гг. неоднократно оказывался под арестом и скончался 1 ноября 1942 г. в оккупированном немцами Киеве. Не менее причудливо сложился путь владыки Вениамина (Федченкова), жившего в эмиграции в 13 странах и вернувшегося в СССР в 1948 г. митрополитом.

К сожалению, авторы не исследовали отношения клириков Таврической епархии с мусульманами и иудеями. Да и о священнослужителях Черноморского флота в книге можно найти лишь отдельные упоминания. Но это ни в коей мере не умаляет ценности работы, проделанной А.С. Пученковым и В.В. Калиновским.

* * *

Юлия Бирюкова

Под сенью православного креста: духовенство Крыма в 1914—1920 гг.*

Yulia Biryukova

(Don State Technical University, Rostov-on-Don; Saint Petersburg State University, Russia)

In the shadow of the Orthodox cross: the clergy of the Crimea in 1914—1920

DOI: 10.31857/S086956870016600-1

Монография А.С. Пученкова и В.В. Калиновского — первое специальное исследование, посвящённое крымскому духовенству 1914—1920 гг. и обобщающее результаты их многолетней работы, уже отразившейся в ряде публикаций¹. Авторы попытались «объективно и без замалчиваний разобраться в истоках этой трагедии, понять мотивации действий духовенства на сломе эпох» (с. 23—24). Их труд изначально осложняла ограни-

ченность источниковой базы, связанная с тем, что в 1920—1930-е гг. в архивах производились чистки, в ходе которых сохранялись преимущественно документы, передававшие отталкивающие черты духовенства (с. 20). Поэтому материалы приходилось искать не только в Москве, Санкт-Петербурге и Республике Крым, но и в Бахметьевском архиве в Колумбийском университете (США). Обращались авторы и к фондам РГА ВМФ и РГАЛИ,

Материал подготовлен в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика».

¹ Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914—1920 годах. СПб.: Владимир Даль, 2020. 407 с.

которыми редко пользуются историки Церкви. Не менее ценная информация извлечена ими из публикаций в крымской периодической печати.

Книга начинается с освещения деятельности крымского духовенства в годы Первой мировой войны. Неудивительно, что внимание авторов сразу же привлекает фигура архиепископа Таврического Димитрия (Абашидзе) — неординарного «харизматичного и пассионарного» человека, для которого патриотизм составлял «основу его политической философии и идейных взглядов» (с. 28). Не прекращая управлять епархией, он в то же время служил на Черноморском флоте как обычный корабельный священник, подчинённый протопресвитеру военного и морского духовенства. Как пишут Пученков и Калиновский, «впоследствии... именно опыт пребывания на флоте и тесное общение с матросами, а также панагия на Георгиевской ленте... помогали таврическому архипастырю при общении с революционно настроенными людьми, а иногда в буквальном смысле спасали ему жизнь» (с. 51—52).

Вместе с тем владыка выезжал в наиболее пострадавшие от обстрелов города, выстраивал конструктивные отношения с губернской администрацией и органами самоуправления (с. 96—99) и руководил епархиальной благотворительностью. Конечно, она регулировалась предписаниями Св. Синода, но на местах священнослужители активно проявляли инициативу (с. 100). Создавались церковные комитеты помощи пострадавшим, потерявшим кормильцев и беженцам, попечительства и братства иногда весьма успешно контролировали организацию дела (с. 126). При этом пожертвований стекалось в Таврический епархиальный комитет в десятки раз больше, чем это требовалось для текущих нужд (газеты публиковали подробные отчё-

ты), и епархия постоянно расширяла сферу своей ответственности.

Однако в 1917 г. наиболее активная часть таврического духовенства во главе с архиереем и священниками, героически проявившими себя во время войны, горячо и единодушно поддержала свержение монархии и не скрывала радости от того, что Церковь перестала быть «прислужницей старого режима» (с. 166—167). Впрочем, схожие настроения преобладали и в других епархиях. Повсюду шли пастырские собрания, говорили об освобождении и новой роли священства, о необходимости Поместного собора с широким представительством белого духовенства и мирян. Причём защитником их прав называли обер-прокурора (с. 170—175).

На прошедшем в мае в Крыму Таврическом епархиальном съезде духовенства и мирян, как и на всех подобных мероприятиях в разных частях России, признавалось необходимым восстановление соборности и самостоятельности Церкви по отношению к государству, преобразование управления епархией на новых принципах (создание приходских и епархиального советов, временного исполнительного комитета и т.п.), проведение выборов клира и назначение ему жалованья с отменой платы за требы (с. 210—244). Сравнительно консервативно держалась лишь часть сельского духовенства (с. 196). Но хотя революционные власти разных уровней проявляли повышенный интерес к содержанию проповедей, благодаря умелой политике владыки Димитрия епархии до конца осени удавалось сохранять относительное спокойствие. Этому не помешали даже безуспешные попытки викарного епископа Сильвестра (Братановского) занять архиепископскую кафедру (с. 300).

Постепенно вызревали противоречия и внутри духовного сословия.

Так, в возникновении симферопольского отделения Союза демократического духовенства и мирян (ранее в историографии считалось, что эта петроградская организация не имела сторонников в провинции) и в работе Всероссийского съезда духовенства и мирян в июне 1917 г. авторы видят черты будущего обновленческого раскола (с. 216—217, 249—250). Но всё же данный Союз оставался скорее политической, а не церковной структурой, а съезд по мере сил направлял стихийные искания клириков и прихожан в конструктивное русло, подготовив многие решения Поместного собора 1917—1918 гг. Тогда как советское обновленчество, развернувшееся с подачи большевиков, являлось отнюдь не движением за те или иные реформы в Церкви, а попыткой создания её двойника. Поэтому едва ли стоит искать какое-либо «обновленчество» ранее 1922 г.

Пученков и Калиновский описывают выборы таврических делегатов собора, среди которых оказались, в частности, владыка Димитрий, С.Н. Булгаков и архимандрит Вениамин (Федченков), и кратко характеризуют их роль на его заседаниях (с. 266—285). В самой же епархии в конце 1917 г. учащались случаи присвоения церковной собственности и иных уголовных преступлений, направленных против духовных лиц.

Однако большевики особой популярностью тогда на полуострове не пользовались. Тем более тяжёлое впечатление произвели начавшиеся при их власти в декабре 1917 г. убийства священников, разграбление епархиального и монастырского имущества, захват семинарии и духовного училища, самосуд матросских банд (с. 310—317). Непросто складывались отношения епархии и со сменившими большевиков правительствами М.А. Сулькевича и С.С. Крыма. При

Сулькевиче, опиравшемся на поддержку оккупировавших полуостров германских войск, развернулась дискуссия между сторонниками и противниками автокефалии Украины и Крыма (с. 323). Коалиционное правительство во главе с кадетом Крымом решило руководствоваться постановлениями Всероссийского Поместного собора 1917—1918 гг. и, не испытывая никакой симпатии к Церкви, всё же финансировало деятельность епархиального управления и признавало его одним из официальных учреждений (с. 326).

Большое внимание авторы уделяют известной критике Белого движения епископом Вениамином (Федченковым). При этом им удалось выявить не использовавшееся ранее исследователями письмо владыки к А.И. Деникину, в котором архиерей подробно излагал свою позицию и с сожалением отмечал, что христианство оставалось для белых лишь традицией, но не было «важнейшей или необходимой частью жизни». И всё же он не сомневался в том, что Добровольческая армия «делает Божье дело» (с. 335—336). Генералы и священнослужители пытались остановить разложение войск. Но, как убедительно показано в книге, предотвратить их разгром было уже невозможно.

Тем не менее, по словам авторов, «несмотря на все сложности, духовенство продолжало в самых тяжёлых условиях проводить богослужения и по мере сил и разума помогать своей пастве». Поэтому они полагают, что «образ Крыма как “последней обители”, последнего осколка старой России, для которой православие было если не основой, то важной частью традиции, следует считать в полной мере справедливым» (с. 378—379).

Таким образом, в своём фундаментальном труде А.С. Пученков и В.В. Калиновский успешно рекон-

струировали особенности церковной жизни Крыма в контексте социально-политических и военных потрясений 1914—1920 гг. Взвешенно оценивая исторические события во всей их сложности и противоречивости, без уклонения в апологетику или в критику, они изобразили духовенство, переживавшее накануне революции внутрисословный кризис, без ненужной ретуши, во всём многообразии человеческих характеров, мотиваций и представлений о благе Церкви.

Примечание

¹ Калиновский В.В., Пученков А.С., Самыловская Е.А. Служение архиепископа Димитрия (Абашидзе) на Черноморском флоте // Вопросы

сы истории. 2020. № 4. С. 18—33; Калиновский В.В. «Германофильство» епископа Димитрия (Абашидзе) в годы Первой мировой войны: архиерейский ответ на «немецкий вопрос» // Научный диалог. 2020. № 9. С. 336—357; Калиновский В.В., Петров И.В., Пученков А.С. «Деникинский» церковный собор в наработке новейшей российской археографии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. Т. 4. 2019. № 4. С. 28—34; Пученков А.С., Калиновский В.В., Петров И.В. Православное духовенство Крыма и начало Первой мировой войны: настроения епархиального руководства и рядовых священников // Смутные времена в России начала XVII и начала XX столетий: природа и уроки. Материалы. Волгоград, 2018. С. 318—334; Петров И.В., Пученков А.С. «Черновики будущего»: проблема антисемитизма в рядах таврического духовенства в 1914—1917 гг. // Вопросы истории. 2019. № 12-2. С. 205—220.

Иван Петров

Жизненный путь митрополита Вениамина (Федченкова) в современных латвийских исследованиях*

Ivan Petrov

(Saint Petersburg State University, Russia)

The Life Path of Metropolitan Benjamin (Fedchenkov) in contemporary Latvian Studies

DOI: 10.31857/S086956870016616-8

За последние 30 лет в каждой из трёх балтийских республик появилась своя традиция рассмотрения истории православной Церкви в XX в. В Литве наибольшее внимание ей уделила Р. Лаукайтис, скептически характеризующая взаимоотношения Московской патриархии с боготоржеской властью в СССР¹. В Эстонии наиболее острой проблемой оказалась каноничность перехода местных православных приходов в 1923 г. в юрисдикцию

Константинопольского патриархата. При этом мнения исследователей предсказуемо разделились². В Латвии учёные освещали прежде всего деятельность клириков Прибалтийского экзархата и «Православной миссии в освобождённых областях России» в годы Великой Отечественной войны и нацистской оккупации. К этой теме не раз обращались и российские, и латвийские специалисты³.

Материал подготовлен при поддержке гранта президента РФ для молодых кандидатов наук, проект № МК-4539.2021.2 «Попытки отделения православных приходов Беларуси, Латвии и Эстонии от Русской Православной Церкви в 1941—1991 гг.».

¹ Евфросиния (Седова), инокиня. Служение митрополита Вениамина (Федченкова) на Рижской кафедре (1948—1951 годы). Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akademiskais apgāds «Saule», 2016. 320 с. (I); Седова Г.В. (Евфросиния, инокиня). Рижская епархия 1944—1964. Из истории православия. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akademiskais apgāds «Saule», 2020. 384 с. (II).